

Он даже устроил нечто вроде «официальных переговоров», так что Вэнь Жуну ничего не оставалось, кроме как внимательно выслушать.

— В этот раз вы сильно пострадали из-за всего случившегося, — неожиданно начал уездный судья, едва только подали вино и закуски, — я искренне приношу вам извинения. Я прекрасно понимаю, что наказание, назначенное семье Линь, нельзя назвать слишком суровым, но это максимум, на что я мог пойти согласно закону.

— Вы слишком добры, — ответил Вэнь Жунь, — всё улажено отлично. Теперь семья Линь больше не будет меня тошнить.

Да, именно «тошнить».

Так Вэнь Жунь определил семью Линь.

Что же до семьи Ван Дачжи... Ха-ха... У них больше нет сына, дочери выданы замуж далеко и не навещают дом, так на что же им теперь надеяться?

Разобраться с ними — раз плюнуть, даже муравья раздавить сложнее.

— Раз вы не чувствуете обиды, значит, всё хорошо, — с явным облегчением вздохнул судья Синь. — На сей раз вина целиком и полностью лежит на них. Как бы то ни было, дело уже улажено, и у меня ещё есть последующие меры. Можете спокойно возвращаться домой и жить в мире. Сейчас повсюду царит сумятица, многое нужно приводить в порядок.

Вэнь Жунь прекрасно понимал, о чём тот говорит.

Столько бандитов ускользнуло от правосудия, и они уже успели наделать бед во многих местах. Уезд Юннинь пострадал первым, несмотря на то, что судья Синь заранее принял меры предосторожности.

Всё равно уезд сильно пострадал, и немало простых людей погибло.

Сейчас у Синь Мина голова раскалывается от всех этих дел, иначе он не стал бы так быстро расправляться с семьёй Линь.

После обеда Вэнь Жуня проводили до дверей. На этот раз ему даже не дали с собой чая, как обычно.

В тот же день после обеда пришёл Сюй Юй:

— Мы все уже слышали о вашем деле! Сам горный старейшина (Шаньчан) и другие учёные мужи даже подали совместную петицию! Если бы судья Синь не встал на вашу сторону, мы бы отправились в уездный центр и обратились бы лично к префекту и инспектору образования!

Теперь Вэнь Жунь наконец понял, почему уездный судья, даже уладив дело с семьёй Линь, всё равно боялся, что тот останется недоволен.

Оказывается, все учёные люди в уезде объединились и подали коллективную просьбу! Если бы каждый мог безнаказанно нападать на них, какая тогда у них останется безопасность?

Сегодня осмелились явиться днём и открыто похитить женщину, а завтра, глядишь, начнут убивать и поджигать, творя всяческие злодеяния!

Поэтому необходимо было не только защитить репутацию Вэнь Жуня, но и восстановить справедливость, иначе как смотреть в глаза всем этим учёным?

— Как же вы меня стыдите! — смутился Вэнь Жунь. — Спасибо вам, старейшине и двум наставникам! Всё это из-за меня — ведь я же совсем беззащитен, даже курицу связать не могу.

— Как можно винить вас?! — горячо возразил Сюй Юй. — Если бы не этот Линь Сань-эр, посмеявшийся похитить женщину, вы бы и не подняли на него руку! Он осмелился напасть на вас — неважно по какой причине, он всё равно неправ!

Вот она — гордость учёных людей: если есть что сказать, говори словами, зачем сразу драться?

Хотя, конечно, мало кто мог спорить со словами учёного: стоит ему процитировать «Сы-цзы» или «Шицзин», и простой человек уже запутается и растеряется, хотя и чувствует, что в его словах — великая истина!

— Да-да, это уж точно... — Вэнь Жунь торопливо заговорил. — Сейчас же подготовлю подарки и лично поблагодарю старейшину и наставников! Ах, брат Сюй Юй, как же я вам благодарен за то, что собрали всех остальных! Давайте сегодня же в таверне «Хуншэн» — угощаю всех на банкете в знак благодарности!

Вот так его «облагодетельствовали» — теперь пришлось отвечать добром на добро!

В любом случае, люди действительно поддержали его в общественном мнении. Это и было той самой причиной, по которой Вэнь Жунь изначально так часто общался с ними. Сейчас этот «долг вежливости» пригодился — хотя его и «подставили» под этот долг, зато теперь, скорее всего, никто больше не осмелится поднять на него руку.

Семья Линь послужила ярким примером.

— Да, безусловно, нужно устроить благодарственный обед! Не волнуйся, я сейчас же пойду и забронирую столик в таверне «Хуншэн».

Договорившись с Сюй Юем, что на следующий вечер они соберутся в «Хуншэне», Вэнь Жунь проводил его. На следующее утро он купил подарки и отправился в академию.

Академия осталась прежней. Вэнь Жунь пришёл проводить горного старейшину и двух наставников.

— Главное, что с тобой всё в порядке! Всё хорошо, раз ты цел и невредим! — с облегчением сказал старейшина У. Для него главное — чтобы Вэнь Жунь остался жив и здоров; всё остальное — пустяки.

Два наставника, впрочем, волновались меньше:

— Ты рискнул жизнью ради простой разведённой женщины, чтобы восстановить справедливость. Это поступок благородного мужа!

Вэнь Жунь невольно горько усмехнулся:

— Тогда я не думал ни о чём таком. Просто этот сын Линя показался мне совершенно безумным. Ведь госпожа Лю в их доме уже не раз беременела! Просто каждый раз, как только узнавали о беременности, заставляли её работать как обычно — всю самую тяжёлую, грязную и изнурительную работу вваливали на неё. Слабая женщина, без поддержки родного дома, да ещё и сама слишком покорная — в итоге раз за разом теряла ребёнка. От столько выкидышей организм ослаб до крайности. Если бы последние два года она хоть немного восстановилась, давно бы уже лежала под горкой жёлтой земли...

Старейшина У и наставники в ужасе переглянулись!

Все они были женаты, у них уже были внуки и правнуки. Даже будучи мужчинами, за столько лет брака они кое-что поняли в женских делах. У каждого из них были невестки, и они знали: у женщины в жизни три решающих момента — рождение, замужество и рождение детей.

Роды — это когда одна нога уже в воротах царства мёртвых.

Но сами роды длятся недолго!

А вот вынашивать ребёнка — целых десять месяцев.

Плод, растущий во чреве, — это время «врождённой природы». Если за беременной хорошо ухаживают, то ребёнок родится крепким, а сама мать словно заново родится — получит

огромную пользу для здоровья.

Но если ухода нет, даже если ребёнок родится, он может оказаться ослабленным с рождения, и тогда восстановить его здоровье впоследствии будет крайне трудно.

Ещё хуже — если материнский организм не сможет удержать плод, и после выкидыша женщина вообще больше не сможет забеременеть.

Хотя в их собственных семьях такого, слава небесам, не случалось, но у соседей подобное бывало. Женщины в доме иногда шептались: у кого молодуха хорошо носит ребёнка, а у кого жена постоянно теряет беременность.

Иногда они сами заглядывали в медицинские трактаты и знали кое-что об этом.

Услышав рассказ Вэнь Жуня, они пришли в ярость и начали проклинать семью Линь: «Настоящие подонки!»

Посидев немного в академии, Вэнь Жунь пригласил старейшину и двух наставников на обед в «Хуншэн». Вина не пили — просто поблагодарил троих за поддержку. А вечером устроил банкет для всех остальных учеников и преподавателей академии. За ужином заговорили о недавнем нападении бандитов. И правда, некоторые из этих разбойников, видимо, считая себя счастливчиками, пробрались в уездный городок — но заранее подготовленный судья Синь тут же их переловил.

Не успели даже развернуться как следует — и уже погибли, не добравшись до цели.

Компания весело поужинала, пили абрикосовый виноградный напиток, но никто не перебрал. Вэнь Жунь ещё раз подробно рассказал о деле госпожи Лю и особенно подчеркнул, что Линь Сань-эр завёл ребёнка с вдовой, даже не разведясь с женой! Только спустя пять месяцев беременности вдовы он наконец развелся с госпожой Лю и женился на той.

Это не было тайной, но такие дела обычно «не трогают, пока народ не пожалуется».

Все единодушно обругали Линь Сань-эра и поклялись впредь лучше относиться к своим жёнам: «Как же страдают женщины! Как им нелегко!»

Вэнь Жунь провёл ночь в уездном городке и на следующий день вернулся в Ляньхуаао.

Дома обнаружил, что дом Ма Саня уже достроен. Построили отлично: три большие комнаты в главном корпусе, по семь комнат в левом и правом флигелях, огромный двор под огород и даже конюшня с навесом для повозки готовы.

Заборы вокруг двора тоже высокие. Вэнь Жунь заметил, что почти все семьи в деревне повысили и укрепили свои ограды, а некоторые даже сами починили деревенские заграждения от конницы.

Вернувшись, он объявил:

— Сегодня устроим праздник! Отныне семья Линь больше никогда не потревожит тётю Цуйхуа! Сегодня вечером будем угощаться!

— Всё уже готово! — радостно воскликнула жена Чэнь Цяна. — Теперь сестрёнка Цуйхуа может спокойно жить. Это прекрасная, великолепная новость!

— Позовите дядю и тётю из семьи Ян, — распорядился Вэнь Жунь. — Отныне семья Ян — родной дом для тёти Цуйхуа, а наша деревня — её настоящий дом. Не бойся! У нас здесь столько людей — обязательно защитим тебя!

Тётя Цуйхуа расплакалась, слёзы потекли ручьём и размазали весь макияж:

— Ага... ага...

Раз дело улажено — самое время праздновать! Тем более жена Чэнь Цяна уже всё подготовила.

Она даже раздобыла «Восемь водных деликатесов» и устроила целый пир из них. Пусть блюда и не были совсем аутентичными, но Вэнь Жуню понравилось: лёгкие, освежающие и полезные для здоровья.

На следующий день он официально возобновил занятия.

Но едва он уселся, как его младший брат Ван Цзюэ первым поднял руку, а остальные дети тут же последовали его примеру — и вмиг весь класс дружно поднял маленькие ручки.

— Что это вы затеяли? — засмеялся Вэнь Жунь.

— Гэфу, — встал Ван Цзюэ, — мы хотим знать подробнее о деле тёти Цуйхуа. Все мы поддерживаем её, но не понимаем: на каком основании семья Линь вообще могла развестись с ней? Неужели отсутствие потомства так важно? Ведь у монахов в храме тоже нет детей! Да и даосские мастера часто всю жизнь не женятся. Есть и такие, кто из-за бедности или болезни так и не смог жениться и завести детей. Неужели это делает их непочтительными к родителям?

— Садись, — сказал Вэнь Жунь. — Раз у вас возникли такие сомнения, сегодня я подробно расскажу вам обо всём, что произошло. Не переживайте — подобные дела вам, возможно,

придётся решать сами, когда вы станете чиновниками. И таких случаев может быть не один. Поэтому учитель должен заранее научить вас, как правильно относиться к подобным вопросам. Начнём с того, что вообще означает «отсутствие потомства».

И Вэнь Жунь начал рассказывать о том, что тогда произошло, и объяснил смысл своих слов.

Однако позже он сам отказался от собственной трактовки:

— Тогда учитель лишь объяснил одностороннюю точку зрения. Согласно историческим хроникам, «отсутствие потомства» следует понимать как отсутствие тех, кто будет совершать поминальные обряды. В своё время Шунь находился в крайне плохих отношениях с родителями и братьями — они даже покушались на его жизнь! О таких родителях можно не говорить, но разве у таких братьев осталось хоть что-то от братской привязанности? Если бы Шунь действительно не женился и не завёл детей, кто тогда стал бы помянуть его после смерти? Разве сыновья его братьев станут возносить ему жертвы? Поэтому ему необходимо было жениться и иметь потомство, чтобы после смерти кто-то похоронил его, поставил надгробие и совершал поминальные обряды.

Дети слушали с глубокой задумчивостью, некоторые даже прозрели.

— Дочь — тоже ребёнок, тоже потомок, — продолжал Вэнь Жунь. — Просто спустя три-пять поколений уже никто не вспомнит родной дом матери, все будут помнить лишь свой собственный род. Поэтому многие так ценят сыновей. Но дочь — тоже ваша плоть и кровь! Поэтому, даже если вы не можете относиться к сыну и дочери абсолютно одинаково, постарайтесь любить каждого ребёнка по возможности одинаково сильно.

Он также наставлял их:

— То же самое касается и родителей. У них, конечно, будет любимый старший сын и балуемый младший. Если вы не старший и не младший, не унывайте и не злитесь. Старшему сыну выпала особая ответственность: продолжать род, унаследовать хозяйство и заботиться о родителях в старости. Не завидуйте и младшему — ведь он самый маленький. Независимо от того, мальчик это или девочка, его рождение показывает, что ваши родители ещё молоды и способны защищать семью от любых бурь.

Вэнь Жунь говорил спокойно, размеренно, но каждое его слово находило отклик в сердцах детей.

Особенно внимательно слушал Ян Линь. Он был вторым сыном в семье — не старший, не младший. Тихий, скромный, не любивший привлекать к себе внимание, он легко терялся на фоне братьев.

Старший брат, как первенец, учился усерднее всех. Младший же родился с трудом — роды были тяжёлыми, и с тех пор в семье больше не появлялось детей. Всего три сына, и родителям

приходилось очень нелегко. Если бы не поддержка тёти Цуйхуа, семья вряд ли смогла бы одновременно содержать троих сыновей в учёбе.

— Гэфу! — неожиданно вскочили Ван Цзюэ и Ван Цзинь. — Мы поклянёмся перед небом и землёй: мы сами и все наши потомки до последнего поколения будем поминать вас! Пока в роду Ван найдётся хоть один человек, никто не забудет вас, ваших родителей и ваших предков!

Вэнь Жунь только рассмеялся сквозь слёзы:

— Да я-то ещё живой! Про похороны и поминки поговорим, когда мне будет семьдесят или восемьдесят!

Он прекрасно понимал: его «брак» с Ван Цзюнем — это особая форма братского союза (цзесюди), существующая в народе. В прежние времена даже в императорской семье бывали подобные обычаи. Нынешняя династия существует менее ста лет, и из-за нехватки населения официально не поощряет такие союзы, но и не запрещает их.

Ведь это обычай, унаследованный ещё от многих предыдущих эпох! Если запретить такие союзы, как людям жить дальше? Разве государство будет каждому выдавать жен?

Такие слова звучали бы грубо, поэтому Вэнь Жунь мягко велел им снова сесть:

— Сегодня я рассказал вам всё это, потому что речь зашла и о делах семьи Ван. Вы все знаете: моего мужа призвали в армию. Но это грубое нарушение воинской повинности! В нашей династии существует три принципа, по которым призыв не производится. Первый — «единственного сына не берут». Если в семье только один сын, его не призывают: он должен продолжить род, унаследовать хозяйство и заботиться о родителях. Если он погибнет на поле боя, род прекратится! Второй — «старшего сына не берут». Обычно именно старший сын несёт ответственность за дом: он продолжает род, содержит родителей и держит очаг. Поэтому родители особенно строги к старшему — ведь он их главная опора в старости и носитель семейного очага. Третий — «больных не берут». Солдат должен сражаться на поле боя, а если человек болен, какой от него толк?

Дети добродушно захихикали.

— Хотя, конечно, армия — хорошая школа закалки, — вздохнул Вэнь Жунь. — Кто прошёл её достойно, выходит настоящим мужчиной, закалённым, как сталь. А кто нет — выходит просто бездельником и лентяем. — Он с грустью подумал, что воинские лагеря в эту эпоху совсем не похожи на «зелёные цитадели» его времени.

Просидев с детьми весь утро, обсуждая важные темы, Вэнь Жунь на обед съел лёгкую холодную лапшу с заправкой. Днём большинство мальчишек разбежались, но несколько учеников остались в классе, усердно практикуясь в каллиграфии. Вдруг появился Чэнь Сюй:

— Староста Ма, дедушка Чжан и Ма Сань пришли! Ма Сань привёл ещё несколько человек и принёс кучу вещей!

<http://bllate.org/book/15642/1398127>